

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-136-145

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПЕРЕЛОМНУЮ ЭПОХУ ПО РОМАНУ А. Н. ТОЛСТОГО «ПЁТР ПЕРВЫЙ» (НА ПРИМЕРЕ СТОЛЬНИКА ВАСИЛИЯ ВОЛКОВА)

Червоненко С. М.

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
Мытищинский филиал, г. Мытищи, Российская Федерация
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

Поступила в редакцию 15.09.2025

После доработки 02.12.2025

Принята к публикации 16.12.2025

Аннотация

Цель. Раскрыть тему становления личности, показать внутренний психологизм перестройки мировоззрения человека под влиянием новых западноевропейских тенденций в петровскую эпоху, прояснить место конкретного образа в контексте общей композиции романа.

Процедура и методы. В центре внимания образ стольника Василия Волкова. Через поэтику раскрытия данного художественного образа сделана попытка проанализировать главные проблемы романа А. Н. Толстого «Пётр Первый». Для раскрытия темы используются аналитический и сравнительный методы исследования художественного текста. Дается подробное и всестороннее осмысление характера героя, что помогает не только в раскрытии сложного образа, но и подводит к пониманию затрагиваемых автором глобальных нравственных вопросов изменения уклада российского государства под влиянием европейских нововведений. Используемый сравнительно-аналитический метод позволяет исследовать особенности психологической борьбы, которая происходит внутри героя. Именно они становятся прообразом внешнего столкновения между старыми устоями и новыми тенденциями.

Результаты. В ходе анализа текста романа показывается, как А. Н. Толстой через конкретные персонажи, особенности характера, психологизм, поведение, речь героев выводит читателя к пониманию глобальных духовно-нравственных аспектов жизни петровского времени, затрагивает нравственно-философские проблемы столкновения восточной и западной культур и сохранения русской самобытности. Выявлены стилистические и художественные особенности, помогающие автору раскрыть полноту социальных явлений того периода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данное исследование подтверждает, что даже образы героев второго плана несут в творчестве А. Н. Толстого особую смысловую нагрузку. Значимость работы заключается в углубленном и конкретном осмыслении пластического воплощения заявленной темы. Результаты и содержание статьи могут быть использованы в комментариях научных монографий о писателе, а также в преподавании русской литературы.

Ключевые слова: герой, европейские тенденции, идея, мировоззрение, нравственность, проблема, психологизм, уклад, характер

Для цитирования:

Червоненко С. М. Проблема становления личности в переломную эпоху по роману А. Н. Толстого «Пётр Первый» (на примере стольника Василия Волкова) // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 136–145. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-136-145>.

Original research article

THE PROBLEM OF PERSONALITY FORMATION DURING PIVOTAL ERA ON EXAMPLE OF A. N. TOLSTOY'S NOVEL "PETER THE GREAT"

S. Chervonenko

Bauman Moscow State Technical University, Mytishchi branch, Mytishchi, Russian Federation
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

Received by the editorial office 15.09.2025

Revised by the author 02.12.2025

Accepted for publication 16.12.2025

Abstract

Aim. To consider the topic of personality formation, to show the internal psychology of the restructuring of a person's worldview under the influence of new Western European trends during the Peter the Great era.

Methodology. The study is focused on Vasily Volkov, the steward. Through the poetics of revealing this artistic image, an attempt is made to analyse the main problems of A. N. Tolstoy's novel "Peter the First." Analytical and comparative methods of researching a literary text are used to consider the topic chosen. A detailed and comprehensive understanding of the hero's character is provided, which helps not only in revealing the complex image, but also leads to an understanding of the global moral issues, raised by the author, concerning the transformation of the Russian state's way of life under the influence of European innovations. Attention is paid to the psychological struggle. The overwhelming doubts that assail the hero are shown. It is these doubts that become the prototype of the external confrontation between old foundations and new trends.

Results. The analysis of the novel's text demonstrates how A. N. Tolstoy, through specific characters, their traits, psychology, behaviour, and speech, leads a reader to an understanding of the global spiritual and moral aspects of life at that time, and touches upon the moral and philosophical problems of the clash between Eastern and Western cultures and the preservation of Russian identity. The stylistic and artistic features that help the author to reveal the fullness of the social phenomena of that period are identified.

Research implications. This research confirms that even secondary characters add a special meaning in A. N. Tolstoy's work. The significance of the work lies in its in-depth and specific understanding of the plastic embodiment of the topic chosen.

Keywords: hero, European trends, idea, worldview, morality, problem, psychologism, way of life, character

For citation:

Chervonenko, S. M. (2026). The Problem of Personality Formation During Pivotal Era on Example of A. N. Tolstoy's Novel "Peter the Great". In: *Russian Studies in Philology*, 3, 136–145. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-136-145>.

Введение

Произведение А. Н. Толстого «Пётр Первый» до сих пор представляет интерес для исследователей, т. к. в нём автор затронул многие животрепещущие темы, актуальные и по сей день. «Художественная идея о самораскрытии человека ... о соборности духа и коллективизма как последней

защиты человека в эпоху разрушения и хаоса ... была, как мы знаем, одной из центральных идей художественной идеологии этого времени» [1, с. 208]. Многие исследователи обращаются к проблеме становления личности в рассматриваемом романе, акцентируя внимание в первую очередь на личности самого Петра, поэтому подробно

не обращаются к поэтике раскрытия второстепенных персонажей.

В ткань повествования автором постоянно вводятся те или иные исторические или вымышленные герои с целью раскрытия главных тем произведения и осмысления влияния нововведений петровской эпохи не только на уклад и быт, но и формирование мировоззрения личности. Одним из таких героев является Василий Волков. Потомственный боярин он так же, как и все, вынужден подстраиваться под новые порядки. На протяжении романа писателем показана трансформация характера героя.

Психологические черты характера царского стольника

Следует отметить, что стольник Волков, как и Бровкин, появляется уже в самом начале повествования. Эти два героя тесно переплетаются между собой не только по сюжетной линии: молодой герой становится зятем Бровкину, женившись на его дочери, но и тем, что Толстой показывает их глазами окружающую действительность. Мысли Ивана Артемича о бедственном положении крестьян подытоживает уже в следующей главе и Волков. «Ну, ладно... Того подай, этого подай... Тому заплати. Этому заплати... Но – прорва, – эдакое государство! – разве её напитаешь? От работы не бегаем, терпим. А в Москве бояре в золотых возках стали ездить. Подай ему и на возок, сытому дьяволу. Ну, ладно... Ты заставь, бери, что тебе надо, но не озорничай... А это, ребята, две шкуры драть – озорство» (с. 9–10).¹ В этих простых словах героя Толстой показывает то бедственное положение, в котором находился народ после правления царя Алексея Михайловича. «Государевых людей ныне развелось – плюнь, и там дьяк, али подьячий, али целовальник сидит, пишет... А мужик один... Ох, ребята, лучше я убегу. Зверь меня в лесу заломает, смерть скорее, чем это озорство... Так вы долго на нас не прокормитесь» (с. 10).

¹ Здесь и далее цит. по: Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1986. 869 с. В скобках указывается страница.

Вся система государственного управления, бюрократический аппарат (дьяки, подьячие, целовальники), поведение высшей знати (бояре в золотых возках) обрисованы несколькими штрихами, но чётко и ярко. Такое положение вещей подталкивает более слабые натуры в бега, в леса, подальше от тяжестей крестьянской жизни. В подтверждение этого внутреннего монолога Толстой приводит диалог молодых дворян, столкнувшихся с проблемами и на царской службе, и в жизни: «Тебе ... Василий, ещё многие завидуют... А ты влезь в мою шкуру. Нас у отца четырнадцать. Семеро повёрстаны в отвод, бьются на пустошах, у кого два мужика, у кого трое, – остальные в бегах. Я, восьмой, новик, завтра верстаться буду. Дадут погорелую деревеньку, болото с лягушками... Как жить? А?» (с. 13). Таким образом, Алексей Толстой уже с первых строк обрисовывает бедственное положение и крестьянства, и мелкого дворянства, а через них тяжёлое экономическое положение страны в целом: «Все народы живут в богатстве, в довольстве, одни мы нищие...» (с. 14), – рассуждает в унисон со своим мужиком и дворянин. И единственный выход оба героя видят в бегах. Бровкин в лес, а Волков на запад: «Король бы какой взял нас на службу – в Венецию, или в Рим, или в Вену... Ушёл бы я без оглядки...» (с. 14)

И, как ни странно, первые упоминания о Европе читатель слышит из уст именно Василия Волкова. Он с восторгом рассказывает о посещении немецкой слободы: «А как вошёл я за ограду, – улицы подметены, избы чистые, веселье, в огородах – цветы... Иду и робею и – дивно, ну будто во сне... Люди приветливые и ведь тут же, рядом с нами живут. И – богатство! Один Кукуй богаче всей Москвы с пригородами...» (с. 14). Но уже в середине романа, будучи женатым на Александре Бровкиной, жаждущей поехать в Европу, в Париж, герой меняет своё отношение, т. к. меняется его характер, наблюдается постепенная трансформация образа. Приём контраста, используемый автором, помогает в раскрытии этих метаморфоз.

Если в начале произведения он, с одной стороны, понимает бедственное положение крестьян и сам в нём находится, то с другой – это властный и деспотичный хозяин, который жестоко обращается с людьми, что и показано в двух сценах с семьёй Бровкиных, когда у старшего сына, Алёши, украли хозяйское снаряжение и когда Иван Артемич привёз для боярина провизию. Особенно ярко гнев и сумасбродство молодого Волкова показаны в эпизоде с наказанием Бровкина: «Перед ним стоял Василий Волков. Как и пододбает господину, – брови гневно сдвинуты, глаза строгие, пронизывающие ... – Ты чего привёз? Ты его мне привёз, пёс паршивый! – неистово закричал Волков. – Воруете! Заворовались! – Дёрнул из воза кнут и начал стегать Ивашку ... Кнут переломился в черенке. Волков, разгораясь, схватил Ивашку за волосы» (с. 126–127).

Особое место занимает сцена сватовства. Она становится неким образом-символом соединения крестьянского и дворянского миров под началом правления царя Петра.

Изменения в герое происходят постепенно. Будучи образованным и не глупым человеком, на что указывает прочтение книги, данной князем Голицыным его крестному отцу, он постепенно лишь приспособляется к жизни, к новым условиям. Толстой изображает все слои общества в романе. Наряду со сподвижниками и ярыми антагонистами автор показывает и тех, кто принимает новые условия, т. к. другого способа выжить у них нет. И если среди старшего поколения бояр это особенно ярко показано в князе Романе Борисовиче Буйносове, то среди молодых – в образе Василия Волкова.

Со временем в нём просыпается русская лень; материальная сторона жизни, благодаря тестю и собственной службе, постепенно налаживается, а большего ему и не нужно, он практически безвольно плывёт по течению, подчиняясь прихотям супруги. И если в начале романа мечтает сбежать в Европу, то в книге второй для него это уже становится тяжёлой обязанностью. А

мысль ехать вместе с женой и вовсе невыносима: «Шалая какая-то стала. Вбила в башку – Париж, Париж... Только её там и ждуг... Спим теперь врозь» (с. 465).

Внутренний мир героя, его характер более широко раскрываются уже в путешествии по Европе, автор больше уделяет внимания художественному пространству для раскрытия этого образа, чтобы показать динамику внутренних изменений. Вначале это слабовольный, нерешительный человек. Писатель стущает краски, чтобы вызвать осуждение и упрёк в адрес героя, с одной стороны, но с другой – придаёт авантюрные нотки происходящему, создавая интригу, разрешение которой позволяет раскрыть основные психологические черты не только героя, но и перейти к более глубоким проблемам развития государства.

Волков находится под влиянием своей взбалмошной супруги. Понимая, что такую жизнь вести нельзя, он практически ничего не делает, чтобы остановить Александру. Толстой тонко подмечает, как неопытность простой крестьянки чуть не стала роковой. Попадая за границу, она «со всем пожаром души своей кинулась в это веселье. Только меняла платья и мокрые сорочки, обтиралась душистой водой и снова, похудевшая, высокая, вся пропитанная музыкой, гордо кланялась в мэнуге, как бешеная крутилась в польском» (с. 541). Этот эпизод становится основополагающим в понимании конфликта их семейных отношений.

Особое место из многообразия художественных средств в данном описании приобретает деталь, «которая не является реквизитом, а подчинена исторической концепции», приобретает особое значение [2, с. 239]. Сильная и волевая натура Волковой подчиняет себе супруга. Из горделивого, вспыльчивого дворянина он превращается в подкаблучника. Мужское достоинство постепенно утрачивается, на это автор указывает яркой деталью: Василий не носит при себе шпагу, а в то время любой уважающий себя дворянин не расставался с этим оружием. Шпага символизировала не только статус офице-

ра или государственного мужа, но и честь, доблесть её носителя. В критическую минуту он даже не может её найти, а обнаруживает «под ворохом Санькиных юбок...» (с. 543) Писатель явно вкладывает иронический подтекст в данную ситуацию, когда герой становится практически безвольным, его дворянское достоинство подчиняется женским прихотям. Он не может отстоять не только свою честь, но и честь супруги, запутавшейся в светских развлечениях, которые ведут к трагическим последствиям и нравственному падению.

Алексей Толстой здесь с психологической точностью обрисовывает состояние и положение неопытных героев, попавших в водоворот светских развлечений, которыми наполнена Европа. Санька не может остановиться в силу своей горячей натуры, писатель не раз в этом эпизоде указывает на пожар души героини, «глаза такие – будто пожар в доме, беда стряслась» (с. 541). Этот прямой намёк на утрату мужского достоинства, намёк на надвигающуюся беду. Ощущение трагедии постоянно присутствует благодаря активному использованию автором несобственно-прямой речи, которая «проступает в слове повествователя как попытка продлить время высказывания героя, его странственная коммуникация с другими персонажами» [3, с. 190–191]. Этот приём Толстой постоянно использует при описании завтраков, обедов и ужинов у поляков. Автор обращает внимание, что Василий понимает бедственность положения, но как муж не останавливает супругу: «Опять сидели за столом, – в смятении. И стыд и гнев. Тут – явный сговор. Обжоры эти спивают его... Бежать за шпагой, – биться? Хорошо государев посланный...» (с. 543).

Толстой вводит этот эпизод ещё и для того, чтобы показать простоту и в чём-то наивность русского народа по сравнению с европейским, в данном случае польским обществом, погрязшем в разнузданной жизни, в проведении постоянных кутежей, пиров и балов. У семьи Волковых определённая государственная миссия в Европе. Вместо того, чтобы её выполнять, оба увя-

зают в польских интригах. Писателем создаётся атмосфера неизбежной трагедии. Василий понимает, что «никуда не годится так жить» (с. 542). Мысленно уговаривает супругу: «Голубушка, Санечка, собираться надо, довольно» (с. 541), но на большее его не хватает. Александра чувствует эту неуверенность мужа и пытается его расшевелить. Но ей главное – острота ощущений, этот пожар чувств, на который несколько раз указывал Толстой. Не находя всего этого в супруге, не старясь понять его в силу молодости и неопытности, она начинает искать остроты ощущений на стороне. Их диалог становится тому подтверждением. Героиня несколько раз спрашивает супруга: «Вася, ты любишь меня? ... Скажи, как ты меня любишь?» (с. 541–542) На это герой только отмалчивается: «Что сказать на это? Вот чепуха бабья» (с. 542). Эти внутренние монологи-переживания как нельзя ярче характеризуют образ царского стольника: непросвещённый в делах амурных, он предпочитает, как и любой русский мужик, действовать, а не развлекать даму пусть и приятными, но пустыми словами, здесь нет у Толстого разграничений по социальному статусу. Этим автор обращает внимание на ещё одно существенное различие между русским и европейским менталитетом.

Этот диалог даёт возможность раскрыть понимание темы любви, а значит, и семьи. Героиня хочет быть «прекрасной дамой», постоянных доказательств пылких чувств, которых она в неограниченном количестве получает от поклонников, но не от своего супруга. Возникает вопрос: почему так происходит? Толстой вновь обращается к одной из главных проблем произведения. В Саньке очень быстро произошла подмена русских ценностей на европейские, поэтому она обращает внимание и принимает за правду внешнее проявление чувств, тогда как Василий внутри остаётся простым русским мужиком, для которого проявление галантности, нежностей и прочего не свойственно. Нет сомнения, что он искренне любит свою жену, на это указывают многочисленные внутренние монологи героя, но проявление любезностей, столь

широко распространённое в Европе, для него просто странно, «бабья чепуха», как он это называет. Для него любовь, пусть даже неосознанно, проявляется в сугубо духовном понимании по апостолу Павлу: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит» (1 Кор. 13:1–8).

Поэтому он уступает во всех спорах, исполняет любые капризы своей супруги, хоть и понимает, что во многом она не права, но перечить ей не может. «Стыдно и как будто не за что, а любил жену. В спорах – как начнёт она сыпать обидными словами – терялся» (с. 486), – описывает Толстой внутреннее смятение героя после очередной стычки Волкова с женой. Уже здесь в подобном поведении показана не только любовь к супруге, но и даются намёки на зачатки внутренних изменений, которые столь ярко проявятся уже в Европе.

Именно долготерпение, воспитанное праотцами в каждом русском человеке, помогает герою выносить все прихоти супруги. Т.е. постепенно внутренний мир героя меняется. Да, он ещё слаб, не может по достоинству ответить польским панам. Чувством унижения и стыда пронизан эпизод с подглядыванием в дверную щель, когда он видит жену с обольстителем: «Василию бы надо подступить гневно, потребовать сатисфакции у гордого поляка, но он только глядел в дверную щель, страдая от жалости...» (с. 543) С одной стороны, он ведёт себя безвольно и бесхарактерно, чем вызывает естественное осуждение. Но это лишь поверхностный взгляд на характер героя. Толстой показывает глубокое понимание сложившейся ситуации. Гнев, ярость, ревность, моментальный вызов на дуэль, так бы сделал любой европеец, но это показало бы лишь внутреннюю обиду героя от нанесённого ему оскорбления. А Волков испытывает жалость к супруге: «В её клонённой шее было что-то девичье и беззащитное: завезли за границу неопыт-

ную дурочку, бросили одну, обидят – только слёзы проглотит...» (с. 543) Вот из этого чувства жалости постепенно просыпается чувство собственной вины, понимания ответственности за происходящее. И только тогда он пускается: «А, пускай! Один конец» (с. 543). Автор в нём тонко показал одну из характерных черт русского народа, о которой точно подмечено в русской пословице: «русские долго запрягают, но быстро ездят».

Метаморфозы в характере героя

Следующая за этим эпизодом сцена дуэли помогает писателю вскрыть нравственные ориентиры западноевропейцев. Оба пана знают, что их возлюбленная замужем, но позволяют себе не только ухаживать за ней, но и драться за неё. Тем самым они ни во что не ставят её супруга, государева посланника. Подобное поведение показывает нелицеприятное отношение к русским в целом. Это не только пренебрежение, можно сказать, что Волков для них не существует, Толстой на это указывает одной фразой: «пан Владислав, налетая на него. “Не твоя, не позволим”» (с. 541). В двух этих обезумевших поляках показано нравственное и моральное разложение Европы. Писатель развенчивает романтическое представление о дуэлях за прекрасную даму, которые были столь популярны, и о «любовном романтизме», который впоследствии всё же стал «одним из краеугольных камней в системе ценностей дворянской культуры» [4, с. 24]. Им даже не сама прекрасная дама нужна, а лишь доказательство своего превосходства, и ради этого они готовы рисковать собственной жизнью, убивать соперника, хотя оба не имеют никакого права на данную особу.

И даже после этой сцены Василий проявляет терпение к супруге. Писатель лаконично описывает состояние героя: «Василий успокоился, когда отъехали вёрст с полсотни от пана Малаховского. Саньке он ни слова не поминал, ни о чём не спрашивал, но был строг» (с. 544). Подобное поведение можно трактовать не

как безразличие, а искреннее чувство любви, готовое на всепрощение и понимание.

Безусловно, метаморфоза в герое происходит под влиянием жены, её сильного и нетерпеливого характера. Из властного Волков постепенно становится спокойным, медлительным, но и более рассудительным. В нём постепенно просыпаются старозаветные устои, русская тяга к неспешной, спокойной жизни по старинке, без суеты: «Душе бы нежиться, как бывало в тихой усадьбе, под вой вьюги над занесённой крышей... Печь да сверчки, да неспешные, приятные думы» (с. 543). Здесь возникает образ родного дома, «тоска по когда-то бывшему раю, идеализация старинной дворянской усадьбы, уходящей в прошлое» [5, с. 15]. Топос *дом* здесь уже как «средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода» [6, с. 32], т. е. как *жилище* и как *микрокосм*. Необходимо отметить, что «усадебный идеал в художественной прозе практически всегда помещён в прошлое ... и дан как дар без всяких трудов и усилий» [5, с. 15], т. е. можно провести аллюзии с «земным раем», который был утрачен в результате петровских реформ.

Особенно актуальна тема дома, усадьбы, утраченного прошлого на стыке эпох, поэтому она приобретает особо значение в прозе и поэзии Серебряного века. К ней будут обращаться А. П. Чехов, Ф. К. Сологуб, И. А. Бунин, И. С. Шмелёв, Б. К. Зайцев и др. К ней обращается и А. Н. Толстой в своих ранних произведениях. Роман не стал исключением. В рассматриваемом эпизоде автор показывает не только тоску по дому, но и тоску по уходящей эпохе. По тем старозаветным ценностям, которые почитались на Руси. Писатель в нескольких простых штрихах даёт описание той жизни, по которой тоскует Волков. Они довольно простые, но за этой простотой стоит многовековая история с её глубоким духовным укладом, на которые указывают начальные слова из монолога героя.

Но Толстой не останавливается лишь на внутренних переживаниях персонажа. Он показывает, что такое тяготение постепен-

но развивает его, даёт внутренний толчок. Молодой дворянин не стремится изменить свою супругу, да это и невозможно, но меняется сам, посвящая себя наукам и корабельному делу.

Автор в нём показал смятение, столкновение старых устоев с европейской традицией. Это проявляется даже внешне. Мечты о Венеции, Риме и Вене, красота и внешняя гармония немецкой слободы сменяются неприглядностью, с которой встречает молодую семью европейский маленький городок: «Узкие, мрачные дома с открытыми крышами, с железными дверями – как вымершие, – разве высоко в окошке прильнёт к стеклу сердитое лицо в колпаке» (с. 553). Автор непревзойдённо создаёт особый антураж, «погружает читателя в мир Речи Посполитой, использует специальные термины и понятия, связанные с периодом магнатской “олигархии” XVII–XVIII вв.» [7, с. 279]. Радужные, романтические представления молодости сменяются холодной действительностью. На этом фоне взгляд героя обращается к Родине. Толстой вновь на контрасте изображает два полярных мира, которые начинают противоборствовать внутри героя. Тема этого внутреннего противостояния присутствует в той или иной степени в каждом персонаже. Волков не стал исключением. Писателю важно проанализировать путь изменения мировоззрения во всех слоях общества, показать, как меняется личность, в какой степени русская традиция сохранилась не только в крестьянстве, но в дворянском обществе.

И здесь основополагающим для понимания ситуации в целом становится внутренний монолог молодого дворянина: «По вечерам, отужинав, Василий сидел при свече, подперев щёку» (с. 553) – даже поза даёт намёк на что-то старинное, исконно русское: «Думал о жене, о Москве, о беспокойной службе. Как учили отцы, деды, – будь смирен, богобоязнен, чти старших, – нынче с этим далеко не уйдёшь» (с. 553). Здесь можно видеть прямое столкновение двух мировоззренческих позиций, на чём строится прежний уклад жизни и что диктует новый: «Вверх лезут – у кого когти и зубы.

Александр Меньшиков – дерзок, наглый, – давно ли был в денщиках, – губернатор, кавалер, только и ждёт случая выскочить на две головы впереди всех. Алёшка Бровкин жалован за набор войска гвардии капитаном: смело воевод за парики хватает. Яшка Бровкин – мужик толстопятый, зол и груб, – командует кораблём...» (с. 553)

Европейская система диктует свои порядки, меняются ценности, образ поведения, мысли, а как результат по службе продвигаются быстрее те, кто смог подстроиться под новое положение вещей. На первый план выходят не умственные способности, не благородство. Автор обращает внимание, что в петровскую эпоху многие талантливые и способные личности, как, например, Иван Артемич или Андрей Голиков, смогли выбиться в люди, но было и много таких, кто лишь воспользовался сложившейся ситуацией, быстрее всех приспособился, выбился на высокие посты нечестным путём. Тем самым Толстой ещё и ещё раз подчёркивает сложность петровской эпохи, её неоднозначность, и свою задачу автор видит в первую очередь в том, чтобы показать максимально точно внутренние и внешние перипетии, чтобы была возможность проанализировать пути развития России. Всё это в той или иной мере отражено в ткани повествования, и приведённый эпизод является тому примером.

Писатель несколькими набросками, но ёмко показывает петровских сподвижников не с лучшей стороны. Рассуждения Волкова продиктованы отчасти обидой и завистью, но в них есть и доля правды, и как реалист автор не может идеализировать новые тенденции в обществе. Поэтому хоть и несколькими штрихами, но даёт общую картину происходящего в придворных кругах. Толстой тонко подмечает, как должен меняться человек, чтобы достичь чего-то в жизни. В рассуждения героя вкладываются основные тенденции и направления будущего развития общества, показываются характеры и нравы приближённых к царю, каким путём они смогли выбиться. Герой здесь раскрывается по-новому. Он как будто со стороны

смотрит на происходящее, реально оценивает положение вещей и своё собственное. С его помощью автор добавляет важные психологические штрихи другим героям и эпохи в целом.

Западноевропейская традиция, особенно американская, направлена на пропаганду внешней деятельности: ценится активность, переходящая в погоню за материальными благами, достижением высоких постов и проч. Поэтому А. Толстой вводит сравнение с животными: «Вверх лезут – у кого когти и зубы» (с. 553), т. е., как у Кипплинга в «Книге джунглей», выживает сильнейший. Эта мысль и весь монолог героя созвучны мысли Н. Бердяева о том, что «историческая жизнь народов полна борьбы и движения. Принявший историю и историческую судьбу принимает и движение со всей его болью и мучительностью. Борьба народов за повышение и рост не может быть неподвижностью» [8, с. 227]. Таким образом, от нравственных идеалов, привитых в христианстве, человечество вновь обращается к первобытному в духовном плане образу жизни. Внешнее благополучие несёт внутреннюю деградацию. И несёт её именно западная традиция с культом наживы и материального благополучия.

Но древнерусские устои и быт Толстой не идеализирует, что даёт повод некоторым исследователям, например В. В. Аристову, делать упор именно на то, что «в самом поведении русских людей царит культ старины, страха и рабских порядков ... У большинства русских людей нет сознательности и тяги к знаниям, процветает жестокое отношение друг к другу, которое прикрывается внешним благочестием и православием» [9, с. 198]. Но это далеко не так. Алексей Толстой лишь всесторонне изображает быт и нравы русского народа того времени, не идеализируя, но и не сгущая краски, избегая многих натуралистических картин и эпизодов.

Вводя фразу с наказанием жены сразу после неблагоприятной характеристики нескольких видных деятелей того времени, автор данной деталью не столько стремится показать жестокость старозаветных устоев,

точнее их переделывание на свой лад народом, но внутреннюю боль, обиду героя на супругу: «Ах, Санька, Боже мой, Боже мой!.. Другой бы муж плетью ей всю спину исполосовал...» (с. 553) И то эта злость лишь в мыслях, герой уже не может поднять руку на женщину, хотя её поведение оставляет желать лучшего. Упоминание о избииении ведёт к более глубоким духовным понятиям о страхе и наказании, как их трактуют отцы церкви и как они были заложены в нравственных устоях в том же Домострое, но Толстой в них не углубляется.

Изначально, анализируя характер героя, можно было провести параллели с Онегиным, Печориным, Рудиным или Обломовым, т. к. в их «жизни нет им дела, которое бы для них было жизненной необходимостью, сердечной святыней, религией, которое бы органически срослось с ними, так что отнять его у них значило бы лишить жизни» [10, с. 211]. Особенно ярко прослеживается традиция А. С. Пушкина в данном аспекте. Но Толстой показывает благотворное влияние новых тенденций. Герой постепенно меняется. Вектор развития направлен на самоуглубление. Из вспыльчивого, амбициозного, горделивого и порой жёсткого дворянина он становится более рассудительным, о чём свидетельствует приведённый монолог, начинает пытаться понять происходящее и свою роль во всём этом: «Значит, надо чего-то ещё понять. Нынче тихие – не ко двору. Хочешь не хочешь – карабкайся...» (с. 553). Эта мысль становится основополагающей для внутренней метаморфозы героя.

Впоследствии прозаик выводит Василия Волкова из ткани повествования не только

потому, что миссия закончена, но и чтобы подчеркнуть его отстранённость от житейских интересов, которые носят сугубо светский характер. Герой погружается в мир наук, которые требуют сосредоточенности и внимания. Он начинает вести несколько отшельнический образ жизни, концентрируясь на главном, не распыляясь на внешнюю мишуру придворной жизни, которой так пленяется его супруга. Поэтому о нём мы узнаём только из рассказа сестры Гаврилы, Саньки: «Василия не всегда выпускают к гостям, да он тому и рад, – стал совсем тихий, задумчивый, постоянно с книжкой, читает даже по-латыни, ездит на корабельные верфи, по кунсткамерам и на биржу – присматривается...» (с. 658)

Заключение

Таким образом, используя разнообразные художественные средства, А. Н. Толстой показывает внутренний драматизм и сложный психологический мир персонажа, акцентирует внимание на том, что неизбежность положения толкает царского стольника на саморазвитие. При этом героем движут не тщеславие или желание занять при дворе высокий пост. В нём сохраняются и даже развиваются тихий нрав и смирение, т. е. можно говорить о том, что в Волкове соединились две традиции развития. Но если в Бровкине, например, всё ещё просыпается обычный русский мужик, то Василий идёт по пути соединения духовного и научного развития, сохраняя старое и приумножая его с лучшими достижениями европейской науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюкова А. М. А. Н. Толстой и русская литература: Творческая индивидуальность в литературном процессе. М.: Наука, 1990. 260 с.
2. Акимов А. С. «История России с древних времён» С. М. Соловьёва как исторический источник романа А. Н. Толстого «Пётр Первый» // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сборник статей. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 234–247. DOI: 10.22455/A1_T_3034-2929-4-234-247.
3. Голубков С. А. Функции комически оттенённой драматургической ремарки в прозе А. Н. Толстого // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сборник статей. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 175–194. DOI: 10.22455/A1_T_3034-2929-4-175-194.
4. Грачева А. М. О своеобразии авторской позиции в русском реалистическом романе 1910-х гг. («Две жизни» и «Хромой барин» А. Н. Толстого) // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сбор-

- ник статей. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 16–30. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-16-30.
5. Богданова О. А. Своеобразие «усадебного топоса» в произведениях А. Н. Толстого 1910-х гг. // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сборник статей. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 9–21.
 6. Полоумова П. И. Образ дома в цикле А. Н. Толстого «Заволжье» // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сборник статей. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 31–38. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-31-38.
 7. Богатырев А. В. Изображение Речи Посполитой XVII–XVIII вв. в романе А. Н. Толстого «Пётр Первый» // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сборник статей. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 278–290.
 8. Бердяев Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Париж: YMCA-Press, 1991. 342 с.
 9. Аристов В. В. Роман А. Н. Толстого «Пётр Первый»: историческая реальность и художественный вымысел // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сборник статей. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 195–233. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-195-233.
 10. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935. 456 с.

REFERENCES

1. Kryukova, A. M. (1990). *A. N. Tolstoy and Russian Literature: Creative Individuality in the Literary Process*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
2. Akimova, A. S. (2024). S. M. Solovyov's History of Russia from Ancient Times as a Historical Source for A. N. Tolstoy's Novel "Peter the Great." In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 4*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 234–247. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-234-247 (in Russ.).
3. Golubkov, S. A. (2024). The Functions of Comically Tinted Dramatic Remarks in A. N. Tolstoy's Prose. In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 4*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 175–194. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-175-194 (in Russ.).
4. Gracheva, A. M. (2024). On the Originality of the Author's Position in the Russian Realistic Novel of the 1910s (A. N. Tolstoy's "Two Lives" and "The Lame Master"). In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 4*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 16–30. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-16-30 (in Russ.).
5. Bogdanova, O. A. (2019). The Peculiarity of the "Estate Topos" in A. N. Tolstoy's Works of the 1910s. In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 3*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 9–21 (in Russ.).
6. Poloumova, P. I. (2024). The Image of the House in A. N. Tolstoy's Cycle "Trans-Volga Region." In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 4*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 31–38. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-31-38 (in Russ.).
7. Bogatyrev, A. V. (2019). The Portrayal of the Polish Lithuanian Commonwealth of the 17th–18th Centuries in A. N. Tolstoy's Novel "Peter the Great." In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 3*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 278–290 (in Russ.).
8. Berdyaev, N. A. (1991). *Collected Works. Vol. 3*. Paris: YMCA-Press (in Russ.).
9. Aristov, V. V. (2024). Tolstoy's Novel "Peter the Great": Historical Reality and Fiction. In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 4*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 195–233. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-195-233 (in Russ.).
10. Dobrolyubov, N. A. (1935). *Collected Works. Vol. 2*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoi literatury publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Червоненко София Михайловна (г. Мытищи) – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал);
e-mail: sm1705@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia M. Chervonenko (Mytishchi) – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of Linguistics, Bauman Moscow State Technical University (Mytishchi Branch);
e-mail: sm1705@mail.ru